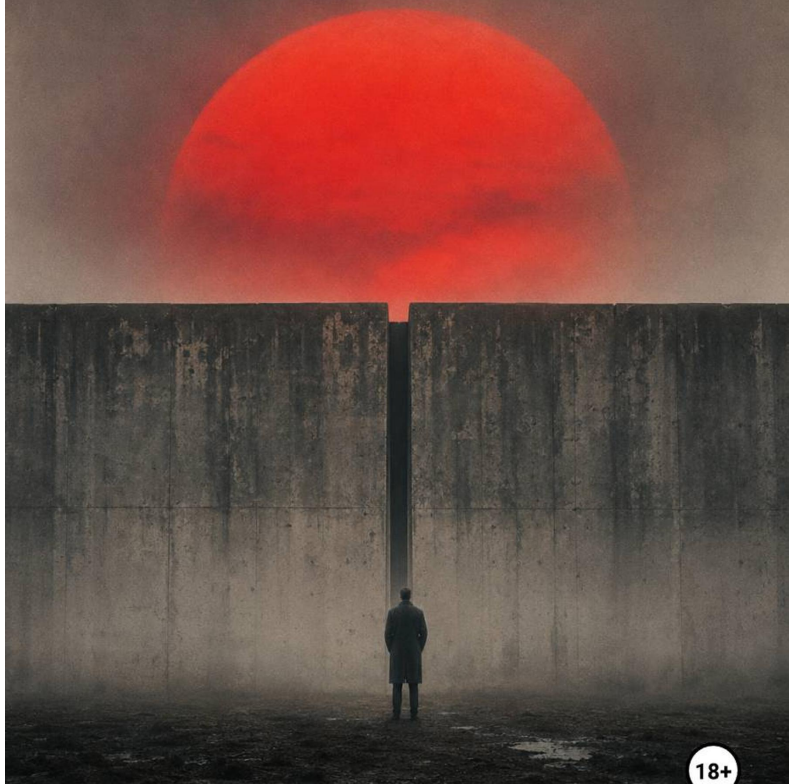

МОЙ МИР

ЧАСТЬ I • ВОСХОД

МАЙКЛ ГРИБ

18+

Майкл Гриб

Мой мир

<https://litres.ru/74296139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждые десять лет Союз проводит Турнир.

Участвовать может любой человек — независимо от возраста, происхождения или статуса. Приз всего один.

Право изменить любой закон Союза на следующие десять лет.

Для одних это шанс стать легендой.

Для других — единственная возможность изменить мир.

Отис вырос в бедном городе, где люди давно перестали верить, что систему можно победить. Но отец с детства готовил его именно к этому дню. Теперь ему предстоит пройти Турнир, из которого возвращаются единицы.

Заброшенная столица, мёртвый город, тысячи участников и правила, о которых никто не предупреждает заранее. Здесь каждое решение может стать последним, а главная опасность — не испытания, а люди, готовые на всё ради победы.

Но самое страшное начинается тогда, когда Отис понимает: Турнир — лишь вершина огромной системы, которая управляет жизнью миллионов.

И если он хочет изменить хотя бы один закон, ему придётся пережить мир, созданный для того, чтобы уничтожить таких, как он.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Майкл Гриб

Мой мир

Пролог

МАРК ГУДМАН

День 1

1 мая 2104 года

В сумке были блокнот и карандаш. Не знаю, зачем я начал писать. Наверное, потому, что уснуть всё равно не получится. Стоит закрыть глаза, и я снова вижу людей, падающих под ноги. Слышу, как они кричат. Чувствую, как меня толкают со всех сторон. Руки до сих пор дрожат, а под ногтями засохла чужая кровь. Я уже несколько раз пытался её отмыть, но в доме нет воды.

Нас привезли вечером. Поезда приходили почти весь день, поэтому к тому моменту, когда наш состав остановился, солнце уже клонилось к горизонту. Перед нами возвышалась огромная бетонная стена. Она уходила далеко в обе стороны, и невозможно было понять, где заканчивается. По верхнему краю шли несколько рядов колючей проволоки, а в центре были распахнуты широкие металлические ворота. Никто ничего не объяснял. Нам молча надевали на обе руки

металлические браслеты, выдавали небольшую чёрную панель размером с ладонь и показывали, куда идти дальше. На обоих моих браслетах горело одно и то же число — 4534. Я спросил у мужчины рядом, что оно означает, но он только пожал плечами.

Когда мы прошли через ворота, они закрылись за нашими спинами. Уже внутри я включил терминал. На экране была только карта города. Люди начали расходиться кто куда. Кто-то искал место для ночлега, кто-то просто бродил по улицам, пытаясь понять, что делать дальше. Примерно за час до заката терминал завибрировал. На карте одновременно появились двенадцать красных точек. Больше ничего. Ни объяснений, ни правил. Только двенадцать отметок. Почти сразу кто-то закричал, что это пункты выдачи. Другие подхватили. Через минуту люди уже шли к ближайшим отметкам, хотя никто из нас не знал, что там находится.

Я выбрал ту, до которой было около трёх километров. По дороге люди обсуждали разные варианты. Одни были уверены, что там раздадут еду, другие говорили, что наконец объяснят правила турнира. Кто-то шутил, кто-то смеялся. Тогда никто ещё не боялся.

Когда я пришёл, на площади уже стояли сотни людей. Кто-то сидел на асфальте, кто-то курил, кто-то знакомился с соседями. Я хорошо запомнил женщину со светлыми короткими волосами. Рядом с ней стоял мальчик лет двенадцати, и она всё время держала его за плечо. Тогда мне показалось,

что это её младший брат. Женщину с мальчиком я больше не видел. До сих пор не знаю, успели ли они выбраться.

Через несколько минут появился огромный дрон. Под ним висел металлический контейнер. Он медленно опустился на площадь, а затем из корпуса дрона ударил красный луч. Он быстро очертил вокруг нас огромный круг. Позже я понял, что граница проходила примерно в двухстах метрах от контейнера. В ту же секунду мои браслеты стали красными, а на устройстве появилось первое сообщение. В нём было всего несколько строк. Пока участник находится внутри красной зоны, он может убивать и быть убитым. Покинуть зону можно в любой момент. Контейнер останется до рассвета.

Кто-то рядом громко сказал, что вещей наверняка хватит всем и устраивать давку нет никакого смысла. Несколько человек даже согласились с ним. Я тоже подумал, что всё закончится через несколько минут. Мы просто возьмём по сумке и разойдёмся.

Потом контейнер открылся.

Я не увидел, кто побежал первым. Возможно, никто этого даже не решил. Толпа качнулась вперёд — и через секунду уже несла нас к контейнеру. Меня сразу ударили в спину, потом ещё раз. Через несколько секунд люди начали падать. Кто-то пытался подняться, но сзади уже бежали другие. Я видел парня, который кричал и тянул руки вверх, прося помочь ему выбраться. Через мгновение его уже не было видно. Среди криков я слышал сухой хруст. Такой звук невоз-

можно забыть.

Меня несло вперёд вместе со всеми. Люди уже не просто толкались. Они дрались за сумки, били друг друга камнями, душили, вырывали добычу из рук. Под ногами лежали раненые, но никто больше не пытался им помочь. Если кто-то падал, остальные просто бежали дальше. Один раз я посмотрел вниз и увидел мужчину с разmozжённой щекой. Один глаз был открыт и смотрел прямо на меня. Мне кажется, именно этот взгляд я буду помнить до конца жизни.

Возле самого контейнера было ещё страшнее. Люди рвали сумки друг у друга из рук, кусались, били всем, что находили под ногами. Меня вырвало на спину человека передо мной. Он даже не стал разбираться — развернулся и ударил меня в висок. Я упал, кто-то наступил мне на спину, и на несколько секунд я перестал дышать. В ушах зазвенело. Я не понимал, где контейнер и в какую сторону бежать. Потом увидел возле руки сумку, схватил её и поднялся. Какой-то мужчина вцепился в ремень. Я бил его по лицу до тех пор, пока он не отпустил. Когда он разжал пальцы, мои руки были в крови. Не знаю, что с ним стало потом. Я даже не обернулся.

Как только я пересёк красную границу, браслеты снова стали синими. Я пробежал ещё несколько десятков метров, ноги подкосились, и я рухнул прямо посреди пустой улицы. Последнее, что помню, — холодный асфальт, сумка под рукой и крики, которые всё ещё доносились со стороны площади. Дальше ничего не помню. Наверное, потерял сознание.

Проснулся уже утром. Светило солнце. Несколько секунд я вообще не понимал, где нахожусь. Потом увидел сумку, посмотрел на браслеты и всё вспомнил. Они снова были синими. Вокруг стояла такая тишина, будто ночью ничего не произошло.

Не знаю, зачем я снова пошёл к площади. Наверное, хотел убедить себя, что вчера мне всё привиделось.

Когда я подошёл ближе, меня сразу затошнило.

Вечером здесь стояли сотни людей. Теперь вся площадь была завалена телами. Они лежали друг на друге там, где ночью стоял контейнер, вдоль улиц, у самой красной границы. Между ними ещё двигались раненые. Кто-то тихо сто-нал. Кто-то звал на помощь. Под грудой тел лежал мужчина. Из-под мёртвых торчала его зажатая нога. Чтобы освободить его, пришлось бы оттащить тела одно за другим. Он уви-дел меня, поднял окровавленную руку и едва слышно сказал: «Пожалуйста... помоги». Я застыл на месте. Несколько се-кунд просто смотрел на него, а потом развернулся и побежал. Я испугался не его. Я испугался самого места. Мне казалось, если останусь там ещё хоть минуту, то никогда уже не смо-гу уйти. Я бежал, пока площадь не исчезла из виду. Только тогда остановился. Нашёл первый попавшийся пустой дом, закрыл дверь и наконец открыл сумку.

Внутри лежали две ложки, старая кастрюля, детская пи-жама примерно на того мальчика, которого я видел рядом с женщиной, этот блокнот и карандаш. Я долго смотрел на эти

вещи, пытаясь понять, почему вчера вечером за такие сумки умерло столько людей. Перед тем как лечь, я машинально посмотрел на браслеты. Вчера, когда нас только выпустили через ворота, на них было 4534. Теперь на обоих было 2344. Я долго смотрел на эти цифры, надеясь, что они изменятся. Но они не изменились. Только тогда я понял, что означало число на браслетах. Оно показывало, сколько нас осталось. Значит, то, что произошло на той площади, происходило одновременно ещё в одиннадцати местах. За первый вечер погибло больше двух тысяч человек. И это был только первый день.

День 7

Прошла неделя. Мне до сих пор трудно поверить, что это всего семь дней. Кажется, будто я живу здесь уже несколько месяцев. Я нашёл небольшой ручей на окраине города. Вода холодная, но чистая. Пока это единственное место, где я чувствую себя спокойно. Каждый вечер прихожу туда набрать воды и просто посидеть несколько минут. Иногда мне кажется, что шум воды — единственный нормальный звук, который остался в этом городе.

За эти дни я сменил четыре дома. Ни в одном не смог остаться надолго. Как только наступает ночь, мне начинает казаться, что кто-то ходит по этажам или стоит за дверью. Несколько раз я просыпался от собственного крика. Один раз мне показалось, что в соседней комнате кто-то разговаривает. Я почти час просидел с куском кирпича в руках,

прежде чем понял, что это ветер гоняет открытую дверь на первом этаже.

Почти всю неделю я питался тем, что нашёл в магазинах. Консервы, крупа, какие-то сухари. Многие магазины уже разграблены, но иногда попадаются места, куда ещё никто не заходил. Сегодня впервые попробовал поймать рыбу в ручье. Ничего не получилось. Отец когда-то показывал, как это делать, но смотреть и делать самому — совершенно разные вещи.

Я всё чаще разговариваю сам с собой. Сначала замечал это и сразу замолкал. Теперь уже не замечаю. Иногда ловлю себя на том, что вслух комментирую всё, что делаю. Наверное, человеку просто тяжело целую неделю не слышать другого голоса.

Сегодня я впервые увидел людей после той площади.

Их было пятеро.

Я заметил их с крыши старого магазина. Они шли по улице спокойно, разговаривали, смеялись. Один нёс рюкзак, второй — длинную металлическую трубу, остальные были с обычными сумками. Они выглядели... нормально. Будто это была компания друзей, возвращавшихся домой после прогулки.

Я уже хотел окликнуть их. Даже сделал шаг вперёд. Потом один из них снял рюкзак. Рядом лежали три сумки, точно такие же, какие были у контейнера в первый день. И я вспомнил площадь. Вспомнил мужчину, который просил помочь.

Вспомнил женщину с мальчиком. Вспомнил тот глаз. Я так и не крикнул. Тихо слез с крыши и ушёл в другую сторону.

Всю дорогу думал только об одном. Самое страшное в этом городе — не остаться одному. Самое страшное — перестать понимать, кому можно доверять. Перед тем как лечь спать, я снова посмотрел на браслет. Теперь на нём было 2217. За неделю нас стало меньше ещё на сто двадцать семь человек. Я начинаю бояться смотреть на эти цифры. Каждый вечер они становятся меньше.

День 32

Сегодня устройство снова завибрировало. Я даже не сразу стал смотреть на экран. За этот месяц я успел понять, что хороших новостей здесь не бывает. Когда карта открылась, я машинально начал считать красные точки. Одиннадцать. Я пересчитал ещё раз. Потом ещё. Их действительно стало меньше. В прошлый раз их было двенадцать. Сначала я решил, что одна просто не появилась, потом подумал, что устройство сломалось, но ничего не изменилось. Если это не ошибка, значит, каждый месяц зон будет становиться меньше. Не знаю, зачем это сделано и что произойдёт, когда останется последняя.

За этот месяц я научился жить один. Нашёл ручей с чистой водой, обустроил себе место для ночлега в подвале старого дома и даже сделал что-то похожее на печку из старой металлической бочки. Несколько раз мне удавалось поймать рыбу, а ещё я понял, какие магазины стоит искать в первую

очередь. Аптеки почти пустые. Продуктовые разграблены ещё в первые дни. Зато в небольших хозяйственных магазинах до сих пор можно найти вещи, о которых никто не думает: верёвку, гвозди, топор, спички или старый котелок. Всё это оказалось не менее ценным, чем еда.

В этот раз я не собирался идти к красной зоне. После первого дня я поклялся себе больше никогда не приближаться к этим местам. Но чем ближе становился закат, тем труднее было сидеть на месте. Мне хотелось понять, что изменилось. Я не подошёл близко. Поднялся на крышу старого девятиэтажного дома и наблюдал оттуда. Даже с такого расстояния было видно, как люди стягиваются к отмеченной на карте точке. Одни приходили заранее, другие появлялись в последний момент. Когда контейнер опустился на землю, всё повторилось почти так же, как в первый день. Сначала движение, потом крики, а потом снова наступил хаос. Только теперь он уже не казался неожиданным. Люди знали, зачем пришли.

Я долго стоял на крыше и вдруг поймал себя на странной мысли. Месяц назад меня бы вырвало от одного такого зрелища. Сегодня я просто смотрел и думал, не осталось ли среди вещей чего-нибудь полезного. Испугался я не этих людей. Испугался самого себя. Кажется, этот город начинает менять меня быстрее, чем я успеваю это замечать.

Вернувшись домой, я долго сидел с открытым устройством, разглядывая карту. Одиннадцать красных зон. Поче-

му именно одиннадцать? Почему их стало меньше? Что будет через несколько месяцев? Не знаю, найду ли я когда-нибудь ответы на эти вопросы, но почему-то мне кажется, что это самое важное правило во всём турнире.

Перед тем как лечь спать, я по привычке посмотрел на браслет. В первый день на нём было 4534. Сегодня осталось 1786. Я уже не пытаюсь представить лица этих людей. Если делать это каждый вечер, здесь очень быстро можно сойти с ума.

День 58

Сегодня я впервые увидел человека с красной меткой. До этого момента мне казалось, что этот пункт правил существует только для того, чтобы держать нас в напряжении. Каждый участник получал такую метку один раз за весь Турнир. Когда именно она загорится, не знал никто. За два месяца я ни разу не встречал человека с красными браслетами за пределами красных зон и уже начал думать, что, возможно, метки начинают работать гораздо позже. Утром меня разбудил шум. Сначала где-то далеко раздались крики, потом послышался грохот разбившегося стекла, а спустя несколько секунд кто-то с силой захлопнул металлическую дверь. Звук быстро приближался. Я поднялся на крышу ближайшего дома и долго всматривался в улицы, пока наконец не увидел бегущего человека. Он был слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но даже с такого расстояния было видно, как на обеих его руках ярко светятся браслеты.

Сначала мне показалось, что он убегает от одной группы людей, но очень быстро стало ясно, что за ним охотится почти весь район. Одни бежали по улицам, другие срезали путь через дворы, кто-то перелезал через завалы и разрушенные машины. Самое страшное было не это. Самое страшное было понимать, что никто из них не искал его наугад. Они точно знали, где он находится. Его местоположение отображалось на каждом устройстве, и, куда бы он ни свернул, через несколько минут туда уже стекались новые люди. Тогда я впервые понял разницу между красной зоной и красной меткой. Из зоны можно уйти. Достаточно пересечь её границу. От собственной метки уйти невозможно. Пока она горит, весь город знает, где ты.

Я наблюдал за ним почти до самого вечера. Несколько раз мне казалось, что он сумел скрыться. Он двигался очень грамотно, постоянно менял направление, пробирался через узкие переулки, исчезал в зданиях и снова появлялся совсем в другом месте. Но каждый раз история повторялась. Через несколько минут к нему снова кто-то выходил. Иногда один человек, иногда сразу несколько. Было ощущение, что весь город медленно сжимается вокруг одной единственной точки.

Ближе к вечеру красная отметка внезапно исчезла с карты. Всё произошло настолько быстро, что сначала я даже не понял, что случилось. Просто ещё секунду назад она была, а потом её не стало. Люди ещё какое-то время продолжали

бегать по району, но вскоре начали расходиться. Утром любопытство всё-таки пересилило страх, и я отправился туда, где накануне исчезла метка.

Тело лежало во дворе между двумя полуразрушенными домами. Я ожидал увидеть следы долгой борьбы, но всё выглядело почти спокойно. Мужчина сидел, прислонившись спиной к бетонной стене, словно просто решил немного отдохнуть. Возле него валялась пустая пластиковая бутылка и самодельный нож, сделанный из кухонного лезвия и куска деревянной ручки. Всё остальное исчезло. Не было ни рюкзака, ни обуви, ни куртки, ни даже ремня. Забрали абсолютно всё, что могло пригодиться живому человеку.

Я стоял рядом несколько минут и никак не мог заставить себя уйти. Потом поймал себя на странной мысли. За всё это время я не испытал ни жалости, ни страха, ни отвращения. Я просто рассматривал его так, словно передо мной лежала сломанная мебель или разбитая машина. Сильнее всего меня испугало собственное равнодушие. Смерть постепенно переставала производить на меня хоть какое-то впечатление.

Вернувшись в своё убежище, я долго сидел с устройством в руках и смотрел на карту. Сегодня на моих глазах погиб всего один человек, но почему-то именно его смерть заставила меня впервые по-настоящему задуматься о собственной. Рано или поздно мои браслеты тоже станут красными. Весь город увидит моё местоположение. И тогда кто-то точно так же будет смотреть на маленькую красную точку на карте и

ждать, когда она исчезнет.

День 83

За последние недели я почти перестал бояться голода. Людей — нет.

Последние несколько недель мне почти не попадались другие участники. Иногда я замечал дым от костра где-нибудь между домами, иногда находил ещё тёплые угли или открытую дверь, из которой совсем недавно кто-то ушёл. Постепенно я начал привыкать к одиночеству и даже думал, что встретить здесь человека становится всё труднее. Несколько дней назад я сидел на крыше старого жилого дома и наблюдал за улицей. Внизу шёл мужчина. Самый обычный. На плече висел рюкзак, в руках он нёс длинную деревянную палку. Через пару минут из соседнего здания вышли пятеро. Сначала они спокойно заговорили с ним, и я даже подумал, что они знакомы. Потом один неожиданно ударил его сзади под колени. Мужчина упал, остальные сразу навалились сверху. Они забрали у него всё: рюкзак, обувь, куртку, воду, даже ремень. Когда он перестал сопротивляться, один из них достал толстую верёвку. Они крепко связали ему руки за спиной, подняли на ноги и повели дальше по улице, удерживая за конец верёвки. Мужчина несколько раз обернулся, словно надеялся, что кто-нибудь его увидит и поможет, но на улице больше никого не было. Я ещё долго смотрел им вслед, надеясь, что они отпустят его за следующим перекрёстком. Они скрылись за домами, и больше я этого человека нико-

гда не видел. В тот же вечер я бросил своё убежище, хотя никто меня даже не заметил. С тех пор я перестал верить, что незнакомый человек может просто подойти поговорить.

Именно поэтому сегодня, когда я встретил девушку, первое желание было сразу уйти. Она сидела на ступенях разрушенного магазина и держалась за ногу. Рядом лежал рюкзак, а вокруг не было ни души. Она не звала меня, не просила о помощи и даже не смотрела в мою сторону. Просто молча сидела, тяжело дыша. Я почти пятнадцать минут наблюдал за ней из окна соседнего дома, прежде чем решился выйти. Подойдя ближе, увидел, что она сильно распоролла ногу о торчащий из бетона кусок арматуры. Я промыл рану водой, перевязал её полоской ткани, которую давно носил с собой, и уже собирался уходить, когда она сказала, что неподалёку живут ещё четверо человек. Они встретились случайно несколько недель назад и теперь помогают друг другу искать еду, по очереди дежурят по ночам и делят найденные вещи. Она предложила пойти вместе с ней.

Наверное, ещё два месяца назад я бы согласился. За всё это время я настолько устал молчать, что иногда начинал разговаривать сам с собой только для того, чтобы услышать человеческий голос. Но перед глазами снова появился тот мужчина со связанными руками. Я вспомнил, как спокойно те пятеро разговаривали с ним за несколько секунд до того, как сбили его с ног. Вспомнил, как он без страха подошёл к ним сам. Если бы я сейчас пошёл за этой девушкой, то ничем

не отличался бы от него. Я сделал несколько шагов назад, поблагодарил её за предложение и сказал, что останусь один. Она не стала спорить. Только кивнула и пожелала мне удачи.

Я уже почти скрылся за углом дома, когда услышал мужские голоса. Инстинктивно спрятавшись за разбитой стеной, я выглянул обратно. Из соседнего здания выбежали четверо мужчин. Они быстро подошли к девушке, начали что-то спрашивать. Один из мужчин наклонился к девушке. Она что-то ответила и едва заметно посмотрела в сторону улицы, по которой я ушёл. Через несколько секунд все четверо уже бежали по улице, внимательно заглядывая в каждый двор и подъезд. Я пролежал без движения почти час, стараясь даже не дышать слишком громко. Только когда окончательно стемнело, они прекратили поиски и ушли.

Я до сих пор не знаю, что произошло на самом деле. Может быть, девушка действительно хотела мне помочь и позвала своих друзей. А может быть, всё это с самого начала было ловушкой. Теперь я уже никогда этого не узнаю. Но сегодня я окончательно понял одну вещь. В этом городе опасно не только доверять людям. Иногда достаточно просто позволить им узнать, что ты существуешь.

Перед тем как лечь спать, я посмотрел на браслет. Сегодня на нём было 1033. Ещё два месяца назад нас было больше четырёх тысяч. Теперь осталась меньше четверти. И впервые я понял: сильнее смерти меня пугает другое — однажды я могу перестать замечать эти цифры.

День 121

Сегодня я впервые прошёл мимо человека, которого ещё можно было спасти.

Утром я обходил жилой квартал на северной окраине города. В последние недели там почти никто не появлялся, поэтому я рассчитывал найти что-нибудь полезное в квартирах. Уже собирался уходить, когда услышал слабый стук. Сначала решил, что это ветер хлопает дверью, но звук повторился. Он доносился из квартиры на первом этаже. Дверь была приоткрыта. Я долго стоял в коридоре, не решаясь войти. За последние месяцы я слишком часто убеждался, что любой шум может оказаться ловушкой.

Внутри лежал мужчина. На вид ему было около пятидесяти. Правая нога была неестественно вывернута, а рядом валялись обломки лестничных перил. Скорее всего, он сорвался со второго этажа несколько дней назад. Он ещё был жив. Когда увидел меня, попытался улыбнуться и попросил воды. Я молча достал флягу, но так и не снял её с пояса. Всё время оглядывался на окна, прислушивался к каждому шороху и думал только об одном — вдруг он здесь не один.

Мужчина сказал, что уже три дня не может подняться. Он попросил перетащить его в соседний дом: там у него оставались вода и еда. Это заняло бы всего несколько минут. Я понимал, что могу сделать это. Понимал, что сил у меня хватит. Но точно так же понимал и другое: если в этот момент кто-то войдёт в подъезд, убежать я уже не успею. Я извинил-

ся. Тихо сказал, что не могу. Положил возле него половину своей воды и поднялся. Он схватил меня за рукав. Сил у него почти не осталось. Я без труда освободил руку и вышел.

Всю дорогу мне казалось, что я поступил правильно. Я убеждал себя, что обязан думать только о собственном выживании. Что иначе долго здесь не протяну. Но вечером, когда я уже разводил огонь, вдруг понял, что впервые за всё время перестал узнавать самого себя. Раньше я бы не ушёл. Даже если бы это было опасно. Перед тем как лечь спать, я посмотрел на браслет.

714.

Я долго не мог уснуть. И всё думал не о том мужчине. Я думал о том, что, возможно, однажды точно так же кто-то пройдёт мимо меня. И будет прав.

День 152

Сегодня я впервые понял, что город больше не принадлежит всем.

Последние недели я всё чаще уходил в незнакомые районы. Там ещё оставались магазины, в которых никто не успел побывать, а значит, можно было найти еду, одежду или инструменты. Обычно я старался держаться окраин, но сегодня решил пройти через жилой квартал, где раньше никогда не был. Почти сразу почувствовал, что с этим местом что-то не так. На улице было слишком тихо. Не было разбитых витрин, следов недавних поисков еды или открытых дверей. Большинство домов выглядело так, будто сюда уже давно ни-

кто не заходил.

Через несколько минут я увидел человека. Он сидел возле фонарного столба, прислонившись к нему спиной. Сначала я решил, что он отдыхает, но, подойдя ближе, понял, что его руки крепко связаны за столбом толстой верёвкой. Рядом валялась пустая бутылка из-под воды, а на груди висела деревянная табличка с одним словом — «ВОР». Под надписью был нарисован чёрный символ, который я раньше никогда не видел. Такой же знак был на стенах ближайших домов, на автобусной остановке и даже на дорожных указателях. Человек был ещё жив. Он поднял голову, посмотрел на меня и очень тихо попросил развязать его.

Я не успел сделать ни шага. Где-то наверху хлопнуло окно. Потом ещё одно. Я поднял голову и заметил движение в доме напротив. За шторами кто-то стоял. Потом ещё один силуэт появился в соседнем подъезде. Я так и не смог рассмотреть лиц, но понял, что за мной наблюдают. Они не выходили. Не кричали. Просто ждали. Наверное, именно этого они и добивались. Им было интересно, что я сделаю.

Я медленно попятился назад. Мужчина ещё несколько раз попросил помочь, но если бы я подошёл, наблюдатели могли решить, что я такой же вор. Или что я пытаюсь бросить им вызов. Не знаю, сколько он там прожил. И не хочу знать. Я развернулся и ушёл, ни разу не обернувшись.

Только когда квартал остался далеко позади, я остановился и перевёл дыхание. Теперь я знаю, что в городе появи-

лись районы, которые кому-то принадлежат. Люди больше не просто ищут еду и место для ночлега. Они начинают делить город между собой. Наверное, скоро таких мест станет ещё больше.

Перед сном я посмотрел на браслет. 612. За последние несколько дней людей снова стало меньше. Не знаю, где они погибли. И не хочу знать.

День 215

Сегодня снова первое число месяца.

Красных зон стало пять.

Я пришёл задолго до заката и занял место на крыше старого административного здания. Отсюда была хорошо видна почти вся площадь, где должна была появиться зона. Я рассчитывал увидеть то же самое, что и в прошлые месяцы: небольшие группы, одиночек, которые надеются успеть к контейнеру, и привычную давку после появления дрона. Но всё оказалось совсем иначе.

Ещё за несколько часов до начала события к площади начали подходить две большие группы людей. Они двигались организованно, почти не разговаривали между собой и сразу занимали разные стороны будущей зоны. У обеих групп были свои отличительные знаки: одинаковые повязки, рисунки на одежде или одинаково окрашенные рюкзаки. Очень быстро стало понятно, что это не случайные люди, встретившиеся по дороге. Они давно знают друг друга. Их было так много, что я перестал считать, но в каждой группе было около

сотни человек. Остальные участники, приходившие по одному или небольшими компаниями, сразу понимали, что происходит, и старались держаться как можно дальше. Никто не нападал. Все просто ждали.

Когда над площадью появился дрон, стало так тихо, что я слышал даже его гул. Контейнер медленно опустился на землю, а через несколько секунд красный луч очертил границы зоны. Именно в этот момент всё изменилось. Почти одновременно обе огромные группы сорвались с мест и бросились друг на друга. До появления луча они стояли неподвижно, словно были статуями. Теперь вся площадь за несколько секунд превратилась в настоящее поле боя. Люди дрались палками, топорами, ножами, кусками арматуры и всем, что могли удержать в руках. Некоторые даже не пытались пробиться к контейнеру. Казалось, что для них важнее уничтожить другую группировку, чем забрать припасы.

С крыши невозможно было различить отдельных людей. Две огромные толпы столкнулись и смешались в одно большое движущееся пятно. Кто-то падал, кто-то тут же занимал его место, кто-то пытался оттащить своих назад. Несколько раз мне казалось, что одна из сторон уже победила, но через минуту другая снова переходила в наступление. Всё продолжалось до глубокой ночи.

Когда бой наконец закончился, одна из групп полностью отступила. Те немногие, кто ещё мог идти, просто выбежали за пределы красной зоны и исчезли в темноте. Победители

тоже почти не были похожи на победителей. Ещё вечером их было около сотни. Теперь возле контейнера стояли чуть больше тридцати человек. Остальные так и остались лежать на площади. Они молча открыли контейнер, быстро разобрали вещи и почти сразу ушли. Никто не праздновал. Никто не кричал. Будто они заранее знали, какой ценой им всё это достанется. Из двух сотен человек площадь самостоятельно покинули меньше пятидесяти.

Я дождался рассвета и только потом спустился вниз. Площадь была завалена брошенными рюкзаками, одеждой и сломанным оружием. Контейнера уже не было. Дрон забрал его, как и всегда. Я долго смотрел вокруг и никак не мог понять, как всего за несколько месяцев люди смогли превратить ежемесячную бойню в организованную войну. Они пришли не только за припасами. Они пришли показать, кому теперь принадлежит эта часть города.

Перед сном посмотрел на браслет.

433.

День 332

Проснулся от сильной вибрации браслетов. Сначала даже не понял, что происходит. Подумал, что наступило первое число месяца и сейчас появятся новые красные зоны. Только через несколько секунд посмотрел на руки.

Оба браслета горели красным.

Я открыл карту. Посреди города пульсировала единственная красная точка. Моя. Наверное, сейчас сотни людей смотрят на неё.

рят на неё так же, как когда-то смотрел я. Кто-то уже собирает оружие. Кто-то выходит из дома. Кто-то пытается угадать, куда я побегу.

Я всегда знал, что этот день наступит. Думал, что буду готов. Оказалось, к такому невозможно подготовиться.

Блокнот я оставлю здесь. Возьму только воду, нож и терминал. Если мне удастся выжить, я вернусь и продолжу писать.

Если кто-то читает эти строки, значит, я не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.